консерватория.ру

#13/НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ/2009/ ГАЗЕТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ ИМ. Н.А.РИМСКОГО-КОРСАКОВА. ВЫХОДИТ С 1939 ГОДА

РЕКТОР В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ ЕСТЬ!

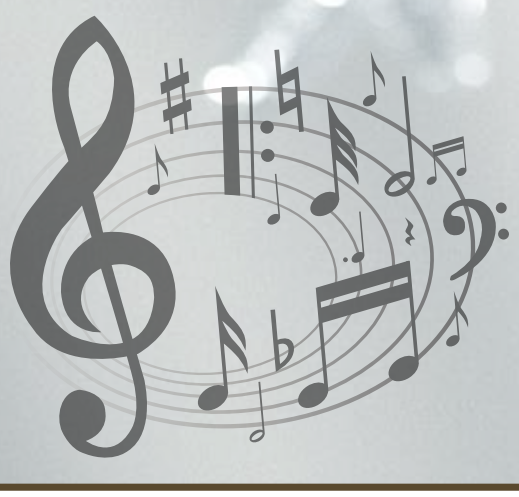
*Полуторогодовой марафон ожидания завершился. 16 декабря 2009 года Народный артист России Сергей Валентинович Стадлер был избран ректором Санкт- Петербургской консерватории. Подавляющее большинство представителей научно — педагогического состава, работников других категорий и учащихся на конференции проголосовало «**ЗА**».*

На той же конференции было принято еще два решения:

1. *Признать Ученый совет, избранный 30 ноября 2006 года, прекратившим полномочия досрочно (на основании решения конференции 9 сентября 2009 года).*
2. *Подтвердить законность Ученого совета консерватории, избранного конференцией 9 сентября 2009 года.*

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Мы встречаем Новый год, обретя уверенность. События последней недели доказали, что добрая воля большинства в нашем сложном художественном коллективе — это немалая сила, способная противостоять, мягко говоря, деструктивным началам. Человек, артист, руководитель, которого мы выбрали ректором, — очень мужественная и крупная художественная личность. Будем надеяться, что впереди у нас спокойная педагогическая и творческая жизнь, гарантами которой являются Сергей Валентинович и его команда.



К 180-летию А.Г.Рубинштейна — основателя первой российской консерватории

13 декабря на сцене Глазуновского зала состоялось концертное исполнение оперы Рубинштейна «Демон». С сороковых годов XX века эта музыка в таком объеме не звучала в стенах нашего вуза. Были представлены все главные сцены в исполнении хора и оркестра театра консерватории. Солисты — студенты и артисты театра, за пультом — Сергей Стадлер. Как всегда в последнее время, это была художественно — просветительская акция, ибо лучшая опера Рубинштейна давно уже не появляется на подмостках театров нашего города, и молодое поколение по-настоящему просто не знает ее красивую романтичную музыку.

В партии Демона выступили два прекрасных баритона. Вадим Чельдиев покорил красотой и обаянием голоса, Борис Пинхасович — осмысленностью пения и волевым напором. Арии и дуэты Тамары тоже исполнили две певицы — лиричная Юлия Ковригина и обладательница крепкого сопрано Оксана Зубко. Синодал — Сергей Никульшин, Ангел — Елена Соммер (солисты театра).

Важно не только то, что концертное исполнение прошло на достойном уровне, что прекрасно звучали хоровые фрагменты, что оркестр был чутким аккомпаниатором певцам и активным солистом в симфонических фрагментах. Характерно, что консерватория откликается практически на все важнейшие исторические события мира музыки, что исполнительская культура ее воспитанников

растет, что залы консерватории заполняются особой интеллигентной публикой. А что может более стимулировать творчество молодых, чем аншлаг и дополнительные скамьи в фойе перед открытыми дверями, как это теперь часто случается в нашем Малом зале!

Нора Потапова

Из истории постановок «Демона»

Поэма Лермонтова «Демон» вдохновляла многих музыкантов философской глубиной драматической коллизии, живостью образов и красочностью картин Кавказа. Но только опере А. Рубинштейна суждено было стать классикой.
Известно, что композитор сочинял партитуру с большим воодушевлением, подгоняя либреттиста П.Висковатова в работе над текстом: «Я по ночам не сплю! Обрывки нот и музыкальных фраз носятся вокруг меня...» (из письма Рубинштейна Висковатову). Однако между временем окончания работы (1872) и временем постановки (1875) прошло 3 года. Премьера состоялась 13/25 января на сцене Мариинского театра с участием замечательных певцов: Демон — И. Мельников, Тамара — В. Рааб, Гудал — О. Петров, Синодал — Ф. Комиссаржевский, Ангел — А. Крутикова. Постановка была осуществлена «на подборе»: грузинскую чинару заменил дуб из «Русалки» Даргомыжского, верблюдов для сцены в горах (3 картина 1 действия) взяли из «Юдифи» Серова, а воплощение духов в сцене бури

Сцены из спектакля 1946 года

(интродукция 1 картины) свелось к намалеванным на заднике фигурам, среди которых на проволоке метался тряпичный Демон. Такая постановка не помешала публике оценить красоту и своеобразие музыки и новаторскую для того времени драматургию: сквозное развитие сюжета, драматизм диалогов, жанровый колорит народных сцен, яркость контрастов между картинами. Партия Демона, дающая возможность выразить мятежный и трагический «дух изгнанья», привлекала и Ф. Шаляпина, и итальянских певцов Т. Руффо, М. Баттистини, Э. Джиральдони. В Оперной студии Ленинградской консерватории «Демон» был поставлен И. Ершовым (1938), а в 1946 году — С. Масловской (ассистент режиссера — Р. Тихомиров, художник — Б. Альмендинген).

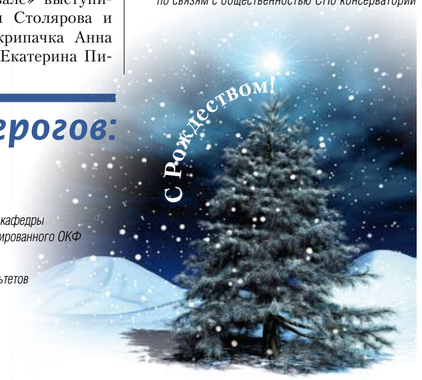
Н. С.

Музыкальные салоны в Царском селе

Так называется совместный проект нашей консерватории, Музея-заповедника «Царское село», Сбербанка России и Северо-Западного отделения ИТАР-ТАСС.
Стартовал новый проект еще летом, когда в великолепно отреставрированном на средства Сбербанка павильоне «Вечерний зал» выступил с концертом руководитель Санкт-Петербургской консерватории, Народный артист России Сергей Стадлер.
С тех пор состоялась целая серия «музыкальных салонов». Благодаря творческому союзу с Музеем-заповедником, поддержке Сбербанка и ИТАР-ТАСС у консерватории появилась еще одна возможность демонстрировать мастерство своих профессоров и воспитанников. А у любителей классического искусства — еще одна причина посетить Царское Село, чтобы послушать красивую музыку в прекрасном интерьере.
История павильона «Вечерний зал» с момента его закладки и до восстановления представляется слепком с тех замечательных и трагических событий, которые пережила Россия в последние три столетия. Эта архитектурная жемчужина на территории великолепной загородной резиденции русских царей строилась много лет. С 1796 года работами руководил русский архитектор П.Неелов, а уже

завершал его создание через полтора десятилетия итальянец Л. Руска. Павильон сильно пострадал во время Великой Отечественной Войны, утратив большую часть своих интерьеров.
Сегодня «Вечерний зал» переживает свое второе рождение. В ходе реставрационных работ мастера воссоздали его первоначальный облик и вернули верхнему ярусу стен живописный фриз, изобразив на фоне паркового пейзажа оленей и амуров на колесницах.
Концерты наших музыкантов — студентов и артистов театра консерватории — сопровождал заслуженный успех. В «Вечернем зале» выступили флейтисты Мария Столярова и Александр Петров, скрипачка Анна Дмитриева, арфистка Екатерина Писарева, кларнетист Тимофей Кашалаба, певцы Владимир Дмитрук, Евгений Чернядьев, Евгений Наговицын и многие другие. Прозвучали произведения Римского-Корсакова, Моцарта, Паганини, Чайковского.
Программы в «Вечернем зале» всегда адресованы целевой аудитории. В июле наши артисты выступали для блокадников и ветеранов труда, в октябре — для преподавателей школ и интернатов. Тематику благотворительных концертов определяет Сбербанк, он же распространяет приглашения по разным направлениям. Публика тепло принимает молодых исполнителей, которым, возможно, вскоре суждено прославить свою Alma Mater — Санкт-Петербургскую консерваторию.
В этом году Музыкальные салоны в Царском селе завершены. Однако они возобновятся весной.

Екатерина Кашина, *начальник отдела по связям с общественностью СПб консерватории*



Поздравляем юбиляров — стрельцов и козерогов:

Киру Иосифовну Южак, *профессора кафедры гармонии и методики преподавания музыкально-теоретических дисциплин*

Бориса Парфентьевича Виноградова, *доцента кафедры медных духовых и ударных инструментов*

Елену Вениаминовну Семишину, *доцента, заведующую кафедрой камерного ансамбля*

Вячеслава Лаврентьевича Наговицина, *профессора кафедры теории и истории полифонии*

Эдуарда Васильевича Базанова, *профессора кафедры специального фортепиано*

Анатолия Алексеевича Буянова, *солиста оперного театра консерватории*

Ольгу Павловну Сайгушкину, *доцента кафедры методики фортепианного исполнительства, педагогики и специализированного ОКФ*

Елену Васильевну Толстую, *старшего преподавателя кафедры ОКФ для исполнительских факультетов*

Ларису Павловну Иванову, *доцента кафедры теории и истории музыкальных форм и жанров*

Лилию Павловну Данилову, *дежурную*

IV Конкурс «Санкт-Петербург»

Конкурс оперных певцов Ирины Богачевой с 2009 года стал международным.

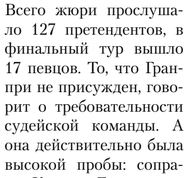
Это — событие, хотя и раньше, называясь открытым конкурсом, он привлекал молодежь из других стран. Нынче его география достаточно широка: ближнее и дальнее зарубежье представлено участниками из 13 стран, а Россия — от Петрозаводска до Якутска.

Энхтайван Чимэд

Екатерина Садовникова

Дмитрий Лавров

Всего жюри прослушало 127 претендентов, в финальный тур вышло 17 певцов. То, что Гран-при не присужден, говорит о требовательности судейской команды. А она действительно была высокой пробы: сопрано Кармен Балтроп из США, меццо Александрина Милчева из Болгарии, бас Томаш Батор из Венгрии, сопрано из России Галина Писаренко. В жюри были приглашены известные музыкальные продюсеры и режиссеры из Метрополитен-опера, концерна IMG, оперы Питтсбурга и ведущих европейских артистических агентств: Тито Капобьянко, Мауро Тромбетта, Кристина



Геворг Григорян

Елена Синичкина

Феррари. Президент конкурса и председатель жюри — Ирина Богачева. Среди победителей явный приоритет принадлежит мужчинам. Из семи призеров лишь две

Борис Пинхасович

Великолепная дикция говорит о его хорошей вокальной школе.
Воспитанник Петербургской консерватории Борис Пинхасович (II премия, баритон) богато одарен природой, но еще не умеет использовать все свои ресурсы. Есть проблемы с дыханием. Он молод (24 года) и сценически не очень опытен. Однако у певца есть важное качество — артистизм заложен в его выразительном интонировании.
Бас-баритон из Липецка Геворг Григорян (II премия) — настоящий вердиевский певец с красивым летящим голосом.
Екатерина Садовникова (II премия, лирическое сопрано) уже зрелый мастер. Она интонирует тонко и музыкально, в ее исполнении нет ничего случайного, не подкрепленного хорошей вокальной техникой.
А теперь о лидерах-мужчинах. Энхтайван Чимэд из Монголии (III премия, баритон) богато одарен природой, но еще не умеет использовать все свои ресурсы. Есть проблемы с дыханием. Он молод (24 года) и сценически не очень опытен. Однако у певца есть важное качество — артистизм заложен в его выразительном интонировании.
Бас-баритон из Липецка Геворг Григорян (II премия) — настоящий вердиевский певец с красивым летящим голосом.
Великолепная дикция говорит о его хорошей вокальной школе.
Воспитанник Петербургской консерватории Борис Пинхасович (II премия, баритон) — певец-интеллектуал с сильным голосом и железной артистической волей.
Первую премию поделили тенор из Молдавии Игорь Цуркан и наш баритон Дмитрий Лавров. У Цуркана голос сильный и красивый. На мой взгляд, ему не хватает настоящей осмысленности пения, но обаяние тембра делает его очень привлекательным. Явный лидер конкурса — Лавров. Широкий голосовой диапазон, звонкий благородный тембр, темперамент, мастеровитость — эти качества обещают ему счастливую карьеру.
Жюри наградило специальными премиями еще шестерых молодых вокалистов и трех концертмейстеров, а десять певцов получили дипломы конкурса. Награждение победителей и концерт в Большом зале филармонии стало красивым заключительным аккордом конкурса. Этот общедоступный концертный

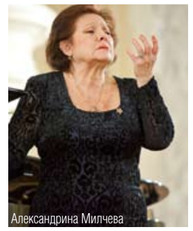
Игорь Цуркан

и образовательный проект проводился консерваторией совместно с благотворительным фондом И. Богачевой «Арт-Петербург» при поддержке Министерства культуры РФ, Комитета по культуре и Законодательного собрания Санкт-Петербурга. Великолепная организация конкурса — заслуга проректора по театрально-концертной работе и международным связям Ю.Н. Стрижак и артистического директора конкурса Е.С. Гаудасинской.

Нора Потапова

Концерт-открытие конкурса состоялся 23 ноября.

В нем приняли участие лауреаты прошлого года и члены жюри.
Вступительное слово Ирины Богачевой явилось прологом к музыкальной части вечера и сразу создало атмосферу высокого артистизма и непринужденности. Отказавшись от микрофона, певица своим бархатным голосом поблагодарила участников за их приезд, пожелала удачи и плавно перевела официальную часть в музыкальное русло.
Первыми выступили лауреаты прошлого года. Маргарита Грицкова впечатлила своей энергетикой и артистической нервностью, исполнив арию из оперы Щедрина «Не только любовь». Она рыдала и шептала, была холодна как лед, обжигала пламенем страсти и совершенно покорила зал. В концерте приняли участие Надежда Кучер и Оксана Зубко. Трудно поверить, что молодые певицы стали призерами одного и того же конкурса, настолько различен их артистический облик и манера пения. От «реализма» Зубко, с ее подлинным драматизмом и сильным голосом, через страстную до сумасшествия Грицкову, мы оказались в мире тонкого и изысканного пения Надежды Кучер, исполнившей арию Виолетты.
Мастера вокального искусства из состава жюри с завидной легкостью установили контакт с аудиторией. В особенности — американская певица Кармен Балтроп, которая в ансамбле с пианисткой Верой Данченко-Штерн продемонстрировала исключительную пластику жеста, ритмическую гибкость и богатство нюансировки в романсе Рахманинова «Сон» и в американском спиричуэлсе, исполненном «на бис». Вкупе с прекрасным пением, она даже немного станцевала, чем спровоцировала отбивающие такт аплодисменты зала, попавшего под обаяние демократизма певицы.
Эмоционально прозвучали арии из опер Пуччини «Плащ» и «Джанни Скикки» в исполнении удружка Римской оперы, Марио Тромбетты, которому виртуозно аккомпанировала Ирина Шарапова. Редкий директор оперного театра



Александрина Милчева

мог бы соперничать с ним в вокальном искусстве, а уж в драматическом мастерстве ему, наверное, вообще нет равных.
Выступление известной болгарской певицы Александрины Милчевой отличалось простотой и достоинством исполнения, отсутствием зрелищных эффектов. Мягкий, насыщенный тембр голоса и безупречная вокальная техника — вот комплекс, благодаря которому она давно

Кармен Балтроп

завоевала признание петербургской публики.
Переполненная чаша глазуновского зала забурлила, когда на эстраду вошла виновница вечера Ирина Богачева, чтобы в прекрасном ансамбле с Еленой Гаудасинской исполнить сцену Графини из «Пиковой дамы». Это была непривычная Графиня, полная внутреннего света, блеска, кокетства. Певица, казалось, с трудом сдерживала в себе Кармен, а последняя фраза «Подите вон!» обнаружила ее поистине страстную природу. И когда, вслед за аплодисментами, зазвучал упругий ритм Хабанеры, все еще раз убедились, что Богачева — одна из лучших Кармен на оперной сцене. После исполнения романса Гаврилина «Простите меня» публика стоя благодарила певицу, и тут вдруг возникло чувство историчности момента: творчество Гаврилина и Богачевой соединилось в единый символ Санкт-Петербурга.

Семен Заборин, *аспирант кафедры концертмейстерского мастерства*

БЛИЦ-ИНТЕРВЬЮ

В пестрой череде событий конкурса «Санкт-Петербург» нам удалось побеседовать с постоянным членом жюри, Народной артисткой России, профессором Московской консерватории, ***Галиной Алексеевной Писаренко:***

• Чем отличается последнее состязание молодых певцов от предыдущих?

— Конкурс набирает силу: растет и количественно, и качественно.

• Но в этом году первую премию не присудили никому из певиц…

— Действительно, ни одна из участниц не продемонстрировала всех необходимых для первого приза качеств, хотя средний уровень на этот раз был выше, чем раньше.

• Каковы должны быть эти качества?

— Необходим комплекс: свежесть тембра, музыкальность, хорошее произношение. Кроме того, важно умение выбрать ту программу, которая продемонстрирует самые выгодные исполнительские достоинства. К примеру, обладательнице лирического сопрано не стоит петь драматические арии, лирический баритон не может справиться с арией Игоря — они сами себя подводят выбором неудачного репертуара.

• Выступление мужчин было ярче?

— Да, несомненно. Думаю, что обладатели первой премии Дмитрий Лавров, и Игорь Цуркан будут настоящими оперными звездами. Они показали абсолютную музыкальность, высокое мастерство владения вокалом и могут

(окончание на стр. 4)

(начало на стр. 3)

прослушиваться в самых лучших оперных театрах мира.

— Публике очень понравился монгольский баритон. Почему жюри присудило ему только третью премию?

— Не сомневаюсь, что у Энхтайван Чимэда большое будущее. У него могучий природный талант, стихийная глубина, прекрасный голос. Может быть, еще не все безукоризненно в смысле музыкальной культуры, но исполнение было очень убедительным.

— Выбрать самых лучших из 127 человек — наверное, трудная задача. Вы были едины в своих оценках с иностранными членами жюри?

— В целом — да. Иногда спорили, конечно. Но выбирали всегда тех, кто обладает самым главным — индивидуальностью. Талантливых молодых певцов много, но пробиваются к настоящей славе единицы. И для этого мало иметь красивый голос и хорошую вокальную школу. Необходим масштаб личности исполнителя, чтобы ему было о чем петь.

— Наверное, быть судьей на таком конкурсе — тяжелая работа?

— Конечно, все устали. Но я получила громадное удовольствие. Я люблю быть в жюри. Потому что про себя я пою вместе с конкурсантами. Это своего рода трансформированное продолжение моей творческой жизни...

Каждый романс — актерский этюд

Этой осенью в залах Капеллы и Филармонии Петербурга звучали вокальные циклы, песни и романсы, хоровая и инструментальная музыка Валерия Гаврилина, которому исполнилось бы 70 лет. Не осталась в стороне и наша консерватория, которую Гаврилин окончил в 1964 году.

17 ноября в зале им. Глазунова прошел открытый конкурс-концерт, посвященный вокальному творчеству композитора. Проект был задуман и осуществлен кафедрой камерного пения вокального факультета во главе с Заслуженной артисткой России, профессором Кирой Владимировной Изотовой, которая двадцать лет назад основала кафедру камерного пения.

Из беседы с Кирой Владимировной: *«Мы не сразу стали кафедрой. Сначала была организована секция камерного пения, еще без определенной программы — каждый выбирал для своих студентов тот репертуар, который считал нужным. Постепенно стало ясно, что необходимо выработать общую систему воспитания культуры камерного исполнительства, в понятие которой входит владение разными стилями и жанрами, филигранность отделки каждой детали. Ведь камерное пение — это театр одного актера, каждый романс — актерский этюд...»*

Эдуард Хиль и члены жури конкурса

На предварительный отборочный тур свои программы представили двадцать два человека. Из них только четырнадцать были допущены до выступления на сцене зала Глазунова перед авторитетным жюри и при большом стечении приглашенной публики.

Зал бурно аплодировал после каждого номера. Исполнители продемонстрировали умение превратить концертный номер в маленький спектакль. Это было прекрасным подтверждением значительности задач, которые ставят перед собой педагоги камерных классов, добиваясь от студентов не только красивого вокала, но и глубокого постижения смысла текста, вдохновившего композитора, детальной интонационной проработки каждой музыкально-поэтической мысли.

Трудно было на этом теплом вечере выделить особо кого-то из участников программы — так искренне звучали вокальные миниатюры Гаврилина со сцены, столь яркими были молодые голоса!

Возглавлял объективное жюри народный артист России Эдуард Хиль (тоже наш выпускник), много работавший с Гаврилиным. Ему помогали Наталья Евгеньевна Гаврилина и известные петербургские композиторы Георгий Портнов и Виктор Плешак.

Первую премию поделили Денис Колесников и Александра Максимова. Вторая премия досталась Юлии Ковригиной и Елене Витис. Третье место заняли Александр Гонца, Мария Катаева и Наталья Якимова.

Вручая премии, Э. Хиль сказал, что его очень порадовал уровень подготовки студентов. «Переступая порог своей Alma mater, я волновался: что сегодня умеют молодые? И увидел, что смена моему поколению растет достойная — голосистая, умная!» Добрые слова были сказаны в адрес талантливых педагогов и замечательных концертмейстеров кафедры.

Словом, вечер получился праздничным, с призами, подарками, улыбками. А денежные премии лауреатам (их сумма была увеличена за счет личного вклада членов жюри) стали подкреплением поздравительных слов.

Хотелось бы пожелать камерным классам продолжить такого рода инициативы и чаще обращаться к музыке нашего времени. Выпускники вокального факультета должны входить в жизнь, имея в своем репертуарном портфеле не только оперные арии, но и камерную музыку, а также произведения песенного жанра. Это всегда было хорошей традицией лучших мировых исполнителей-вокалистов.

Заслуженная артистка России, профессор ***Т.И. Мелентьева***

Первый международный конкурс органистов им. И.А. Браудо

Впервые в стенах Санкт-Петербургской консерватории состоялся крупный международный конкурс органистов (30.10–5.11). «Для меня настоящая радость сознавать, что в стенах консерватории, которой мой отец посвятил 50 лет своей жизни, учрежден Международный конкурс имени И.А. Браудо», — сказала Анастасия Браудо, почетный член жюри и учредитель специального приза за лучшее исполнение музыки Баха.

Имя конкурсу было присвоено единодушно. Исайя Александрович Браудо (1896-1970) — музыкант-мыслитель, один из основоположников современной отечественной органной школы, знаток органов и их регистровки, блистательный исследователь вопросов интерпретации музыки XVII-XVIII веков. Он с 1923 года преподавал в Ленинградской консерватории. Среди его учеников — известные органисты Н.И. Оксентян, А.И. Браудо, А.Н. Котляревский.

Из беседы с Д. Зарецким:

— Насколько оправдал ожидания первый петербургский органный форум?

— Конкурс оказался чрезвычайно представительным и по количеству участников, и по уровню их подготовки. Уже второй тур был соревнованием ярких и сильных музыкантов. После отборочного тура их осталось всего четырнадцать — из Венгрии, Голландии, Франции, Нидерландов, из городов России с сильными органными кафедрами. География широкая.

— А «судьи кто?»

— Представительности нашего жюри могли бы позавидовать многие международные конкурсы. Среди его членов были такие зарубежные «органные звезды», как профессор Людгер Ломан (заведующий кафедрой Музикхохшуле в Штуттгарте), профессор Пол Джекобс (Джульярдская школа), профессор Дэвид Титтерингтон (Лондонская Королевская Музыкальная Академия), Луи Робьяр (Лионская консерватория). Председателем жюри был профессор Р.К. Абдуллин (ректор Казанской, выпускник Ленинградской консерватории). Профессор Н.И. Оксентян представляла Петербургскую консерваторию, а профессор Н.Н. Гуреева — Московскую.

И.А. Браудо

— И как оценили они уровень конкурса?

— Очень высоко. Им пришлось серьезно поразмышлять, прежде чем выбрать шестерых финалистов из очень достойных конкурентов. Борьба между равными среди равных была драматичной до конца.

— Участники соревнования не были новичками?

— Разумеется, многие уже прошли конкурсные испытания. Например, Юлия Юферева (Нижний-Новгород —Санкт-Петербург), получившая первую премию и специальный приз за лучшее исполнение обязательного сочинения современного композитора, — лауреат органных конкурсов в Нюрнберге, Сарагосе, Любеке, Москве. Венгр Андраш Сабо, лауреат второй премии, — уже побеждал на международных конкурсах в Будапеште, Австрии, Италии. Третью премию получила выпускница Казанской консерватории Вероника Лобарева, которая в прошлом году стала лауреатом Международного конкурса-фестиваля «Гатчина-Санкт-Петербург».

— Что за обязательное произведение современного композитора исполняли все участники?

— В этом была изюминка нашего конкурса. Еще весной на композиторском факультете прошел студенческий конкурс на лучшее произведение для органа. Победила Динара Мазитова с сочиненным ею Рондо, которое вошло в обязательную программу. Композитор тоже получила приз, и теперь это Рондо будет издано и войдет в современный органный репертуар. Так что у студентов-композиторов появился стимул для органного творчества благодаря нашему конкурсу.

— Какие отзывы о новом инструменте фирмы Ойле?

— Благодаря тому, что орган только-только вступил в действие, он был одинаково незнаком и гостям, и хозяевам — все получили равное количество репетиций. Фирма Ойле еще раз подтвердила свою высокую репутацию. Инструмент продемонстрировал бесконечное многообразие своих возможностей.

— Что конкурс принес победителям, кроме славы и денежных премий?

— Органных конкурсов, в отличие от фортепианных, немного. И наш — один из самых престижных. Теперь у лауреатов есть перспектива выступить в серии органных концертов, которые устраивает в Европе фирма Ойле. Юлия Юферева в январе выступит с сольным концертом в Большом зале Санкт-Петербургской филармонии.

Вопросы задавала ***Наталия Селиверстова***

Фото из библиографического отдела СПб ГК

Памяти Екатерины Александровны Ручьевской

30 ноября в 16 часов 15 минут не стало Екатерины Александровны Ручьевской. Ощущение утраты мгновенно, как удар. Осознание ее масштаба будет приходить постепенно, причиняя все большую боль. Конечно, остались книги, статьи, рукописи, конспекты, наконец, запись интервью на радио... Но это лишь утешение.

Студенты спросили меня: «Сколько лет было Екатерине Александровне?» И я, ужаснувшись и растерявшись, ответил, что не знаю. До сих пор два эти слова — «Ручьевская» и «возраст» — никаким образом не сочетались в моем сознании. Мы регулярно съезжались в Рощино на ее дни рождения, пили за «многия лета», но ни разу нам (по крайней мере, мне) не пришел в голову вопрос: который по счету прожитый именинницей год мы отмечаем? Раз и навсегда сложившийся мой собственный внутренний образ Ручьевской не требовал ни обновления, ни подсчета лет.

Многие десятилетия она неизменно была такой, какой я увидел ее впервые в 1965 году, когда она пришла читать русскую музыку нам, учащимся музучилища им. Римского-Корсакова. Что это были за уроки! Мы практически не пользовались граммзаписями. Все игралось на рояле. Иногда — и довольно часто — в четыре руки. История, переплетенная с анализом потрясающей глубины и тонкости, создавали в классе захватывающую атмосферу праздника ума и чувства. При этом — богатейший в своей выразительности и точности русский язык, приправленный порой слегка экзотическими «бытовизмами» (на всю жизнь запомнил: «упившиеся квинты» в оркестре в репризе «Как едет ён...»)

Разумеется, постичь и переработать всю громаду передаваемой нам информации мы не были готовы. Но зато в полной мере мы оценили масштаб и мощь таланта. Мгновенно попали под его обаяние, и все поголовно влюбились в его обладательницу. С моим другом и однокурсником Стасом Важовым, жившим на Васильевском (по соседству с Ручьевской), мы выяснили, когда Екатерина Александровна выгуливает своего пса (по-моему, его звали Дружок) и повадились «случайно» сталкиваться с ней у подворотни ее дома, чтобы минут 15-20 светским образом побеседовать о музыке, жизни, о погоде и т.п. Впрочем, Ручьевская платила своим ученикам тем же. Она любила их.

Ей, пережившей блокаду, а до того — испытавшей в совсем юном (но вполне сознательном) возрасте горечь предательства многих окружавших ее людей, не прошедших нравственное испытание тридцать седьмым годом, — была известна цена слов, поступков, человеческих отношений, наконец, самой человеческой жизни. Она была требовательна, порой сурова к своим ученикам, но стоило кому-то из них оказаться в сложной ситуации — и Ручьевскую не надо было просить о помощи. «Я — игрок защиты», — часто говорила она. И это — правда!

Однажды, в разгар эпохи брежневского маразма, ленинградский Обком КПСС решил устроить показательный разнос вдохновенно. Я не очень понимаю, почему в число «осуждающих» организаторы включили Ручьевскую. Может, расчет был на принадлежность к разным с Друскиным школам. Или на отличие во взглядах на некоторые профессиональные вопросы. Не знаю. Но когда вышла к трибуне Екатерина Александровна, напряжение достигло предела. Не ручаюсь за дословность воспроизведения. Помню смысл: «Для того, чтобы спорить с Михаилом Семеновичем, надо иметь свою концепцию творчества Стравинского. У меня

такой концепции нет. Есть точка зрения. И она практически совпадает с концепцией Друскина». Это был нокаут. Научный и человеческий авторитет Екатерины Александровны довершил эффект от ее выступления. А затем было блестящее заключительное слово Друскина с убийственной для его оппонентов цитатой из Маркса (заботливо подготовленной Л.Г. Ковнацкой). Помню что-то блеющего, свекольного цвета обличителя от «руководящей и направляющей», и чувство восхищения и гордости за нашу, как звали тогда потихоньку ее студенты, «Катю», за нашего Учителя. Кстати, после этого выступления Ручьевская еще долго получала письма с угрозами и оскорблениями от анонимных ура-патриотов, именовавших ее «защитницей жидомасонов» и проч. Сама Екатерина Александровна к этим письмам относилась без излишнего драматизма. Хотя можно себе представить, что чувствовала она, глядя на эти тексты. Когда я однажды спросил, не сохранились ли конверты, чтобы попытаться найти авторов, она засмеялась скептически и неожиданно перевела разговор на то, как в молодости поспорила с Т.С. Бершадской, что та ни за что не осмелится угостить семечками (!) в филармонии (!) одного из любимых профессоров — Х.С. Кушнарева. Дело в том, что иногда (разумеется, не в филармонии) М.С. Друскину за его книгу об И. Стравинском. Вряд ли они там ее читали. Вероятнее всего, кто-то донес, что в работе выдающийся ученый ссылается на идеологически чуждую какую-то там «теорию игры», что в ней нет критики творчества то ли русского, то ли американского композитора с позиций марксистско-ленинской эстетики и, сверх того, — совершенно отсутствует классовый подход.

В случае успеха этой акции Друскина, а также его защитников (буде такие найдутся) по тем временам могли просто убрать из «идеологического» вуза, например, провалив при переизбрании. Как водится, нашелся выродок из консерватории (почему-то консерватории всегда везло на подобные экземпляры), который с воодушевлением взялся исполнять роль доносчика и прокурора в одном лице. Исполнял весьма они грызли семечки втроем с молодым тогда Н.Г. Привано. Но Привано — это одно дело, а Кушнерев — маститый и великий — совсем другое. И вот представьте картину: две подружки заговорщицки шепчутся при входе в Большой зал филармонии. Заметив неподалеку группу «небожителей» (Ю.Н. Тюлин, Х.С. Кушнарев, Н.Г. Привано, кто-то еще), одна из них с горстью семечек в руках направляется к профессорам и со словами «Угощайтесь, Христофор Степаныч!» протягивает руку Кушнареву. Тот, надо сказать, нашелся мгновенно. Учтиво поблагодарил, сказав, что в следующий раз обязательно отведает угощенье. Торжествующая Татьяна Сергеевна вернулась с видом победительницы. Рассказывая эту историю, Ручьевская смеялась своим необыкновенным заразительным смехом. Надо сказать, смеялась она нечасто. Чаще улыбалась, и улыбка ее имела миллион оттенков. Среди них была Универсальная Усмешка (она могла быть радостной и задумчивой, иронической и застенчивой), сопровождаемая неопределенным звуком: чем-то вроде «кха» и легким приспусканием уголков губ (одно время мне казалось, что этой усмешке у нее научились все, включая пса Дружка).

Я наблюдал Ручьевскую в самых разных настроениях, даже — разгневанной. Но никогда за 45 лет нашего знакомства я не видел ее плачущей. Даже когда, повредив позвоночник, она два месяца провела лежа на спине на досках в одной из ленинградских больниц. Наоборот, когда я забегал ее проведать, меня встречали улыбкой, а то и нагоняем за медлительность в работе над очередным опусом.

«Бывают странные сближенья...», — обронил Пушкин. В моей судьбе 30 ноября связало двух самых дорогих мне в профессии, да и в жизни, людей, моих Учителей. В этот день родилась Наталия Николаевна Позняковская, и не стало Екатерины Александровны Ручьевской. Для меня кончина Позняковской завершила эру великой Петербургской консерватории. С уходом Ручьевской почти закончилось время великой Ленинградской. Дело не только в огромном вкладе в отечественную музыкальную науку, внесенном ею. Хотя оставшиеся нам в наследство работы — от научно-просветительской «Слово и музыка» до монументальных, отмеченных невероятной плотностью открытий, «Хованщины» и «Войны и мира», — представляют собой абсолютно выдающееся явление в нашей культурной жизни. Но не менее важно то, что Ручьевская принадлежала к тем немногим личностям, при которых «БЫЛО СТЫДНО». Самим фактом своего существования она защищала наш мир и нас самих от постоянно усиливающегося натиска пошлости, лжи, предательства. С ее уходом эта защита истончилась до критического минимума. Теперь спасение от смрада подлости и вранья зависит исключительно от нас самих. Разумеется — тех, кто этого спасения желает.

По моему убеждению, Ручьевская оставила нам нечто гораздо большее, чем память о себе. В каждом из нас продолжает жить часть ее. И если хоть капля инстинкта самосохранения осталась в нас, эту часть следует поместить в самый сокровенный уголок души и хранить вечно!

Игорь Рогалев

Корифей ленинградской музыкальной культуры — профессор **Николай Семенович Рабинович** *(1908-1972)*

«Многие музыканты, играющие теперь в больших оркестрах, прошли школу Рабиновича и, быть может, не всегда отдавая себе в этом отчет, научились у него профессионализму, пониманию специфики игры в оркестре. Его очень любили, но и побаивались… Он был человеком поистине ренессансного толка. Он знал все — по крайней мере, все, что имело отношение к музыке. Знал так много, что сегодня всем нам, соберись мы вместе, не удалось бы ни перевесить, ни осилить его знания»

Ю. Темирканов.

Легенда

В обширной среде музыкантов до сих пор ходят легенды о невероятной эрудиции и безукоризненном чувстве стиля, о дирижерском и педагогическом мастерстве, о профессиональной честности и блистательном юморе профессора Ленинградской консерватории Николая Семеновича Рабиновича. Ученик Н. Малько и А. Гаука, сокурсник Е. Мравинского, А. Мелик-Пашаева, И. Мусина, Э. Грикурова, он принадлежал к тем, кто создавал отечественную дирижерскую школу. Творческая энергия кипела в нем, а профессиональная деятельность поражала разнообразием: глава кафедры оперно-симфонического дирижирования и музыкальный руководитель Оперной студии; руководитель студенческого оркестра консерватории и профессор специального класса дирижирования; дирижер Ленинградской филармонии, главный дирижер оркестра Ленинградского радио, основатель и руководитель оркестра старинной и современной музыки. С момента возникновения звукового кино он записывал оркестровую музыку на Ленфильме, в том числе — всю киномузыку своего друга Д. Шостаковича от «Златых гор» и «Юности Максима» до «Гамлета» и «Короля Лира».

Кафедра оперно-симфонического дирижирования

От Малера до Оффенбаха

Музыкальный академизм и интеллектуализм сочетался в Николае Рабиновиче с полным отсутствием снобизма. В любом жанре он был органичен. В его дирижерский репертуар входили и признанные шедевры и редко звучащая музыка композиторов XVIII века (например, произведения А. Сальери), и сочинения современников (от Стравинского и Прокофьева до Хачатуряна и А. Петрова). Он любил музыку «хорошую и разную». Поэтому всегда включал в свои программы польки и вальсы Штрауса, дирижируя ими с особым «венским» шиком, стреляя из пистолета во время польки «На охоте». Юрий Темирканов, тогда студент-оркестрант, вспоминал, что выстрела маэстро боялся и долго щурился, прежде чем нажать курок. Ценя хорошую оперетту, Рабинович поставил в Малом оперном «Летучую мышь», в Музкомедии — «Парижскую жизнь», в Оперной студии — «Периколу».

С Темиркановым

Многое он сделал первым. Впервые в СССР исполнил «Военный реквием» Бриттена (1965 год). Это было историческое художественное событие: современная западная музыка прорвалась на отечественную сцену. Приехал сам Бенджамен Бриттен, выразивший восхищение высокой музыкальной культурой ленинградских музыкантов. Рабинович познакомил в 1966 году Ленинград со Вторым виолончельным концертом Шостаковича (исполнители — студенческий оркестр консерватории и М. Ростропович). Он первым в Ленинграде начал исполнять сложные формы Малера. Кирилл Кондрашин специально приезжал в Ленинград на репетиции малеровской Третьей симфонии и внимательно следил по партитуре за указаниями Рабиновича.

«Силовое поле»

Казалось, не было такого произведения, которое бы Николай Рабинович не смог блистательно сыграть на рояле, попутно делая замечания по поводу того, как тот или иной фрагмент трактовал Клемперер или Бруно Вальтер, Фуртвенглер или Тосканини. И.Д. Гликман вспоминал: «Даже в период мировой славы Евгений Александрович Мравинский не считал для себя зазорным набираться музыкальной мудрости и прозорливости у Николая Семеновича Рабиновича». В 1970 году Рабинович был приглашен в Веймар вести занятия в бетховенском дирижерском семинаре. Именно маэстро из Ленинграда, а не соотечественникам Бетховена было поручено дирижировать праздничными Бетховенскими концертами.

Святослав Рихтер был согласен выступать с любым ленинградским оркестром при одном условии: за дирижерским пультом должен стоять Николай Рабинович. Исаак Стерн, выступавший со студенческим оркестром под руководством Рабиновича, восхищался его высочайшим профессионализмом. Евгений Светланов называл его «идеалом, который можно представить себе только в воображении» и вспоминал: «Вокруг него было некое «силовое поле», притягивающее к себе».

Расцвет студенческого оркестра

Под руководством Н. Рабиновича студенческий оркестр консерватории по уровню приближался к лучшим симфоническим оркестрам Ленинграда. Силой своего непререкаемого авторитета Николай Семенович преодолевал пренебрежительное отношение к оркестровым занятиям студентов, мечтавших о сольной карьере. Требовал от ректората консерватории вмешательства в дела оркестрового факультета, когда некоторые профессора не допускали своих лучших студентов к игре в оркестре. На занятиях знакомил с разными стилистическими манерами, учил работать над штрихами, техническими приемами, динамикой, нюансами, умел увлечь молодых музыкантов этой работой. В те времена оркестр консерватории выступал на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве (1957), концертировал на лучших площадках Ленинграда, в том числе и в филармонии, собирая полные залы. Став заведующим кафедрой оперно-симфонического дирижирования, Рабинович добился создания «верхнего» оркестра, который не только обеспечивал студентов-дирижеров оркестровой практикой, но и был полноценным творческим коллективом. Он выступал в БЗФ, в телевизионной программе «Симфонические вечера», ездил на фестивали.

За пультом

Ученики

В дирижерском классе профессора Рабиновича всегда было многолюдно. Послушать, как увлекательно он рассказывает о музыке, исполняя ее на рояле и привлекая примеры из литературы, живописи и других видов искусств, приходили студенты других профессоров, композиторы, музыковеды, оркестранты. Множество желающих посещали репетиции Рабиновича в Малом зале консерватории. Маэстро просил только об одном: «Пожалуйста, не входите на паузе; хорошенько посчитайте за дверью, а уж потом, желательно не на piano, а на хорошем fortissimo — милости прошу!» (из воспоминаний профессора А.И. Климовицкого).

С Мравинским

Ученик Рабиновича — Юрий Симонов — стал первым в истории европейского дирижерского искусства отечественным победителем на V Международном конкурсе в Риме (1968 год). Другой ученик— Неэми Ярви — занял I место на VI конкурсе при академии «Санта Чечилия» (1972). Марис Янсонс в том же году взял II премию на международном конкурсе Караяна.

Оперная студия

Под художественным руководством Рабиновича репертуар Оперной студии соответствовал афише хорошего оперного театра. Когда-то маэстро дебютировал здесь «Пиковой дамой». Будучи страстным «моцартианцем», он поставил на консерваторской сцене «Свадьбу Фигаро» и «Похищение из сераля». Мечтал о «Дон Жуане» в оформлении С. Вирсаладзе. Даже договорился с Кировским театром, но, увы, зеркало студийной сцены не соответствовало масштабам декораций.

Вместе с дирижером Л. Павловой-Арбениной Рабинович восстановил партитуру «Периколы» в оригинальной редакции и поставил ее в Оперной студии (1966). Впервые в СССР поставил «Кармен» в авторской редакции, без речитативов (1970, режиссер — Д. Косаковский).

Профессор внимательно курировал оперную практику студентов в театре консерватории. Вместе с членами кафедры он обязательно присутствовал на генеральных репетициях, и если практикант допускал грубые ошибки — снимал со спектакля. Такие «строгости» оправдывали себя, если вспомнить, сколько прекрасных дирижеров воспитал профессор Ленинградской консерватории Николач Семенович Рабинович.

Наталия Селиверстова

Обзор фестивальных событий

Концерт «Четвертое измерение музыки»

В этом году IX фестиваль «Международная неделя консерватории» был посвящен новому органу, наконец-то занявшему свое место в зале им. Глазунова. Приглашенные со всего мира блестящие органисты выступали на концертах фестиваля и давали открытые мастер-классы для студентов консерватории. В камерном зале прошла конференция «Традиции органной исполнительской школы Санкт-Петербургской консерватории», а в фойе Глазуновского зала были торжественно открыты две выставки: научная — «Страницы истории органной школы Санкт-Петербургской консерватории: материалы и документы», и художественная — «Органные миры», на которой были представлены картины петербургских авторов.

Основная идея фестиваля заключалась в том, чтобы как можно полнее раскрыть тембровые и стилистические возможности нового инструмента. Не всякому органу под силу поучаствовать в исполнении произведений от Ренессанса до XXI века и от Америки до Венгрии. Наш выдержал с честью!

Особенно интересной оказалась серия нескольких концертов под названием «Орган +», в которой новенький орган выступил не только в традиционном сочетании со скрипкой и голосом, но и в ансамбле с роговым оркестром, с брасс-квинтетом и даже с ударной установкой. Спектр его выразительных возможностей оказался широчайшим. Из звуковых красок экспрессионистической пьесы «...in honorem...» Б. Гуммеля для органа с ударными вырисовалась таинственная картина потусторонних миров. «Героическая поэма» для органа, труб, тромбонов и ударных М. Дюпре могла бы стать звуковым символом возрожденного органа, прошедшего «сквозь тернии к звездам». А слияние органа с роговым оркестром напомнило о родственности этих внешне столь непохожих инструментов.

Организаторы фестиваля удивили даже искушенных слушателей. Были приглашены гости из далеких Китая и Японии, а также не менее завораживающей своим музыкальным колоритом Армении.

Китайская традиционная музыка уносила далеко за пределы консерваторского зала, куда-то на восточные равнины, где хотелось созерцать внутренним взором медленное падение с дерева одинокого листа и движение луны по темному небосводу... Потом появилась японская певица Мегуми Такано, которая сопровождала пение многозначительными жестами — элементами традиционного восточного театра (для европейца, к сожалению, не понятными). Зато исполненный ею «на бис» романс Даргомыжского «Мне грустно» (на русском языке) символизировал единство культур в пространстве фестиваля.

С блеском идею единства воплотил в своем выступлении и «Терем-квартет», чьи задорные обработки знакомых серьезных произведений европейских композиторов для русских народных инструментов привели в восторг заграничных гостей.

Мегми Такано (Япония)

Магистральную линию фестиваля обвивал причудливый узор других музыкальных событий — своеобразный фестивальный андеграунд. Его кульминацией стал последний день перед торжественным закрытием, когда на сцене Глазуновского зала один за другим прошли два экстравагантных концерта: «Четвертое измерение музыки» и «Джаз на театральной». Первый дал зрителю возможность в очередной раз задуматься о смысле музыкального авангарда. Произведения сопровождались (либо служили сопровождением?) видео-инсталляцией, раскрывавшей музыкальные идеи посредством зримых образов. Каждое из сочинений демонстрировало самобытность не только в направлении звуковых поисков, но и в философском осмыслении исторических явлений разного уровня. Так, обобщенные понятия «Сегодняшний день» и «Вневременная реальность» предстали в произведении С. Левковской для органа, скрипки, видео и живой электроники: «Собор. Исакиевский собор. Исакиевский кафедральный собор». Период распространения искусства pop art в мировой культуре прошлого века — в пьесе М. Григорьевой «Временной код» (для скрипки, саксофона, электроники и видео), а эра освоения неизведанных пространств Земли — в сочинении А. Танонова «Сон о подводной лодке» (струнный квартет и электроника, сопровождаемые видео).

Наконец, произведение А. Королева для скрипки, видео и электроники «Экклезиаст. Глава первая» было посвящено истинам, сопровождающим человека во все периоды его существования на земле.

Завершился концерт неожиданно: студенты Театральной академии разыграли драматические сценки из «Идиота» Достоевского и «Женитьбы Фигаро» Бомарше, одновременно виртуозно сольмизируя маленькую прелюдию и инвенцию До-мажор Баха. И вот что удивительно: переведенные на «невербальный» язык сольфеджио, знаменитые персонажи были абсолютно узнаваемыми!

А ближе к ночи в зале Глазунова зазвучали импровизации джазовых исполнителей разных поколений. В программе «Джаз на Театральной» выступил давно покинувший Россию прославленный пианист и композитор В. Ганелин. Молодые, но уже не менее знаменитые А. Чижик и О. Белов — участники «Чижик-джаз-квартет» — остроумно исполнили известные классические темы «на джазовый манер».

Роговой оркестр

Было в прошедшем фестивале нечто особенное, что помогало маримбафонисту играть, даже когда одна палочка случайно выпала у него из рук, что заставляло музыкантов выходить на сцену с высокой температурой и скорее силой воли, чем негнущимися пальцами, исполнять сложнейшие произведения. Что-то не позволило хору мальчиков прервать выступление, когда один из них прямо на концерте упал в обморок, а дирижер, подав хору знак продолжать, в следующее мгновение уже бежал поднимать ребенка.

Наверное, это и есть тот высокий профессионализм, особое ощущение постоянно звучащей внутри тебя музыки, которое воодушевляет людей на действия необыкновенные, выходящие далеко за пределы того, что принято считать возможным. Ведь иначе как коллективным подвигом нельзя назвать музыкальные события такого масштаба, как Международная неделя консерватории.

Марина Кузнецова, *V курс МФ*

Утрата

Очень странное чувство печали и пустоты испытываешь, когда вдруг уходят люди, полные энергии и света, для которых «жизнь» — не просто определяющее слово, оно — единственно возможное.

23 октября не стало Заслуженной артистки России **Валентины Андреевны Блажчук**. Долгие годы она работала в Санкт-Петербургской консерватории: преподавала историю исполнительского искусства на духовых инструментах у дирижеров-симфонистов, была иллюстратором на кафедре композиции и камерного ансамбля, играла в симфоническом оркестре театра консерватории. Ученики, друзья, коллеги, просто знакомые — все, кто знал ее по артистическому сообществу Петербурга, с благодарностью и теплом будут вспоминать эту неунывающую женщину, её горячий, порывистый характер, её добрую улыбку и весёлый нрав, готовность всегда придти на помощь, поддержать, быть полезной.

Валентина Андреевна Блажчук с любимым инструментом

Рано осиротев, Валентина Андреевна воспитывалась в детском доме. Потом было Одесское музыкальное училище и редкий для женщины выбор инструмента — валторны. Затем — Петербург, покоривший ее своей необычной красотой, консерватория, где она училась в классе профессора В.М. Буяновского. Играя на одном из самых сложных и рискованных духовых инструментов, она зарекомендовала себя как превосходный исполнитель, ее талант был по достоинству оценен лучшими музыкантами Петербурга и России. Вместе с различными оркестрами она много гастролировала внутри страны и за рубежом, а со временем стала выступать сольно.

Детские и юношеские годы ее жизни были связаны с Украиной. На протяжении жизни она изучала украинский язык, собирала библиотеку на украинском языке, поддерживала украинскую печать в Петербурге, пропагандировала игру на украинских национальных инструментах, в частности, на бандуре. Она даже собирала украинскую этнографическую вышивку. Участвуя в уже существовавших национальных сообществах и товариществах украинцев в Петербурге, она в 1991 году основала собственный Фонд украинской культуры, являясь его бессменным руководителем в течение пятнадцати лет.

Этим летом, 20 июня, в стенах Собора Святых Петра и Павла состоялся творческий вечер Валентины Андреевны Блажчук, эпиграфом к которому она выбрала слова, точно выразившие ее жизненные устремления: «И друзей я своих соберу». Отдавая все силы любимому искусству, своим ученикам, слушателям, коллегам, она искала новые пути для сближения культур России и Украины. Вне зависимости от времени и политической ситуации, она стремилась к объединению самых обыкновенных слушателей посредством музыки.

Мария Гайдук, *студентка II курса МФ*

Вибрирующая современность

Для музыкального мира премьера симфонии под номером «19», да еще созданная современным композитором, — из ряда вон выходящее событие. Именно такое произошло 10 ноября в зале Санкт-Петербургской Капеллы, где была представлена Девятнадцатая симфония Сергея Михайловича Слонимского. Народный артист России, лауреат государственных премий, лауреат Международной премии «Балтийская звезда» и других высоких наград, маэстро в нынешнем году отмечает, к тому же, полувековой юбилей своей педагогической деятельности в Петербургской консерватории.

С. Слонимский уже давно признан классиком. В последние годы композитор создал целую антологию симфонического осмысления современности. Вот и Девятнадцатую симфонию, прозвучавшую в исполнении симфонического оркестра Капеллы под руководством Владислава Чернушенко, можно назвать «вибрирующей современностью», настолько в ней сильно ощущение сегодняшнего дня.

Наряду с пульсирующим на протяжении всего четырехчастного цикла «током» напряжения, музыка симфонии проникнута лирикой русского фольклора, задушевной песенностью. Квинтэссенция лирики сосредоточена в монологических высказываниях солирующих деревянных духовых в начале финала, тогда как в средних двух частях симфонии, написанных в жанре скерцо, властвуют враждебные светлому началу образы. Не случайно один из эпизодов вызывает прямые ассоциации с военными картинами в музыке XX века.

Стилистическая особенность почерка Слонимского — музыканта блистательной эрудиции — «инкрустация» собственной звуковой ткани музыкальными цитатами и аллюзиями из шедевров музыкального творчества прошлого. Так, вступление к симфонии своим темным траурным колоритом отсылает к вступлению Шестой симфонии Чайковского. Но у Слонимского тоны медных «наслаиваются» друг на друга, создавая аккордовую вертикаль, тогда как у Чайковского мотив восходящей секвенции во вступлении бессильно ниспадает. Здесь же, во вступлении, как отголосок ускользающей мечты, возникает тематический «осколок» — аллюзия темы томления из вагнеровского «Тристана». Многочисленные отсылки к музыке прошлого создают необычайную плотность звукового пространства произведений Слонимского, насыщенного общезначимыми темами и интонациями.

В камерности масштабов симфонии, чья длительность не превышает 25 минут, видится фресковая манера письма, близкая технике старых мастеров-живописцев, когда смысловая наполненность каждой отдельной части образует емкий облик целого.

Для понимания авторской концепции симфонии достаточно вслушаться в стремительные, захватывающие дух нарастания тутти в заключениях второй и третьей частей, когда в сознании остается лишь резко диссонирующее созвучие тритона — так же, как в финале I акта «Хованщины» Мусоргского. Но если там набат дан как мерцающий мираж, то в симфонии на поверхность безудержно выплескиваются подспудно вызревавшие темные силы.

Своеобразным музыкальным «противовесом» сложному конфликту Девятнадцатой симфонии стало продолжение программы концерта — уже известный слушателям Реквием Сергея Слонимского. Lacrimosa, обрамляющая это произведение духовного жанра, предназначенного для концертной аудитории, прозвучала как ностальгия по старине. Сольные номера воскрешали дух баховских арий (щемящая лирика Lacrimosa, просветленный Agnus Dei и парящий в высях Domine Deus). Мощные тутти захлестывали фантасмагорией образов Dies Irae, сияющими праздничными красками Sanctus.

Особенно проникновенно прозвучало соло баса Олега Радченко в Recordare и Tuba mirum и соло в исполнении сопрано Ларисы Радченко (Lacrimosa, Domine Deus). Другие солисты — меццо-сопрано Людмила Сиденко и тенор Олег Трофимов также проявили себя с лучшей стороны.

Все же центральным событием музыкального вечера стала премьера Девятнадцатой симфонии петербургского мастера. С нетерпением будем ждать премьер новых симфоний, которые, как мы знаем, уже созданы композитором.

Марина ВАСИЛЬЦОВА,
IV курс МФ

Под музыку Баха

Осенняя премьера одноактного балета «Хореографические прелюдии» на музыку И.С. Баха в постановке Георгия Ковтуна объединила на сцене Государственной Академической Капеллы Санкт-Петербурга артистов Михайловского театра и наших студентов. Впервые за творческую жизнь кафедры режиссуры балета студенты, проучившись всего два месяца, показывали свою работу на большой сцене. Конечно, не все получилось. Но сколько порыва, даже упоения!

«Хореографические прелюдии» стали своего рода попыткой соединить космогоническую музыку великого композитора эпохи барокко с возможностями современного балета.

Задача непомерной трудности, требующая безоглядной смелости от постановщика. Ведь творчество Баха является одной из вершин философской мысли в искусстве. Как передать в пластике эмоциональное богатство, глубокую внутреннюю сосредоточенность, драматический размах свободных барочных форм? В программке — литературное предуведомление хореографа, который предложил свою трактовку этой музыки: «Две пары влюбленных через свои взаимоотношения пытаются познать мир, полный радостей и огорчений. Побывав в театре на спектакле, молодые люди осознают, что весь мир — театр, а сами они в нем актеры». Хореографическая концепция возникает на скрещивании двух миров, так как герои отправляются в театр на представление трагедии Софокла «Антигона» (действие которой разыгрывают студенты балетмейстерской кафедры).

В вязь классического танца, раскрывающего взаимоотношения сценических влюбленных, вторгаются бытовые детали: девушки наносят макияж, прихорашиваются, рассматривают себя в зеркале, присаживаются на скамью и становятся зрителями. А потом сами охотно погружаются в эмоциональную стихию классического танца. Виртуозные пассажи и кружевные комбинации женских вариаций сменяются мужскими, с большими и сильными прыжками. Органично ли вторжение таких элементов «театрального» сюжета в философские размышления, заложенные в музыке, далекой от всего мирского и развлекательного? Во-всяком случае, философское начало явно потеснилась театральным. Лишь изредка элементы историко-бытового танца, вторгаясь в академический танец, напоминали о художественном стиле барокко.

К сожалению, технически сложный текст не смог явить себя в полном блеске, так как узкий подиум, взамен сцены, явно был для классического танца не предназначен. Изящные, текущие движения, небольшие поддержки в дуэтах и совместных адажио, выражающие взаимоотношения пар, также прозвучали скорее намеком в исполнении Эльвиры Хабибуллиной, Анастасии Ломаченко, Дениса Морозова и Андрея Яхнюка. Именитые танцовщики Михайловского, как могли, преодолевали специфические условия сценического пространства. Не уступали им и наши студенты, ученики Г. Ковтуна. Особенно хорош был экспрессивный и жесткий Креонт — Илья Устьянцев, привносивший в достаточно однокрасочную партию разнообразие оттенков.

Изобретательностью блеснула художница Наталия Корнилова. Костюмы девушек напоминали укороченные кринолиновые платья. В костюмах мужчин смешивались эпохи: у одного камзол с золотом, у другого свободная, скорее из эпохи романтизма, рубашка и обтягивающие панталоны. Все «современные», не театральные персонажи, — в белых париках. А участники «театра в театре» облачены в туники, с лицами, наполовину загримированными — напоминание о маске, о вечных проблемах суетного мира-театра.

Украшением вечера стало звучание органа в великолепном исполнении Марины Вяйзя. Значительность этого участника спектакля подчеркнул парадный выход органистки, сопровождаемой двумя юношами из хореографического квартета. Танцовщики благоговейно внимали торжественным звукам оганного соло, словно проникались предстоящей благодатью. Инициатива замечательная. Последует ли продолжение?

Марина Мударисова, *балетовед, II курс*

КОНСЕРВАТОРИЯ.РУ
ГАЗЕТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ ИМ. Н.А.РИМСКОГО-КОРСАКОВА
№13 ноябрь-декабрь 2009
Выходит с 1939 года

Главный редактор Н.Потапова
Редактор Н.Селиверстова
Технический редактор М.Иванов
e-mail: rectorat@conservatory.ru

Дизайн-проект А.Ролихин
Верстка ООО «СЗД»
Отпечатано в ООО «Типографский комплекс «Девиз»
199178, СПб, 17 линия В.О., 60, лит. А, п. 4Н
Заказ № ТД-4761. Тираж 999 экз.